

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССОВ В ОМСКОЙ И ПАВЛОДАРСКОЙ ЕПАРХИИ)

В статье на примере Омской и Павлодарской епархии анализируется влияние религиозного фактора на события Русской революции и Гражданской войны в России. Под религиозным фактором понимаются процессы влияния религии на начало, ход и исход войны, на деятельность противоборствующих сил, на политические институты и на общественное мнение. Основной тезис данной статьи — в Русской революции и Гражданской войне в России для большинства населения религия не сыграла консолидирующей, умиротворяющей роли, а напротив, стала фактором дезинтеграции общества и эскалации гражданского противостояния. Для подтверждения основного тезиса автор рассматривает три аспекта влияния религиозного фактора на эскалацию Гражданской войны в России. Первый — идеологический конфликт сил революции с религиозными конфессиями, который закономерно привел Церковь в антибольшевистский лагерь. Второй — конфликты между представителями духовенства, вызванные идейными разногласиями по религиозным и политическим вопросам, поддержка частью духовенства социалистической революции. Третий — падение авторитета Русской Православной Церкви как социального института культуры у значительной части православного населения и среди неправославных, открывавшее дорогу распространению вариативных идеологий национализма и социализма.

Ключевые слова: религиозный фактор, Русская Православная Церковь, Русская революция, Гражданская война в России, Сибирь, Омск, религиозная антропология, епископ Сильвестр (Ольшевский).

Постановка проблемы. На всем протяжении исторического пути развития российской цивилизации религиозный фактор играл важнейшую роль. Православие на многие века определило ее основу. В то же время для страны, населенной множеством народов, исповадовавших ислам, буддизм, иудаизм и даже язычество, государству методом проб и ошибок приходилось искать пути обеспечения внутреннего мира и согласия. Русская смута 1917 г. до предела обострила в распадавшейся империи внутренние противоречия. В их числе оказались вопросы, связанные с духовной идентичностью и суверенизацией отдельных народов, населявших Россию.

Исследователь В. Н. Рагузин обоснованно определяет «религиозный фактор» как «функциональное состояние и характер взаимосвязей и взаимодействия религии и ее компонентов с объектами влияния: обществом, политикой, культурой, государственной властью, нацией и т.д.» [1, с. 28]. Основываясь на таком понимании мы определим главное для статьи понятие. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России — это процессы влияния религии на начало, ход и исход войны, на деятельность противоборствующих сил, на политические институты и на общественное мнение.

Очевидно, что в военно-революционную эпоху религиозный фактор проявлялся на общенациональном и региональном уровнях, имея на отдельных территориях огромной страны значительную специфику, связанную с географическим положением, поликонфессиональным и полиэтничным составом населения. Под Гражданской войной в России, вслед за академиком Ю. А. Поляковым, мы будем понимать «длительную около шести лет вооруженную борьбу между различными группами населения, имевшую в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившую при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшую различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» [2, с. 32]. Важно подчеркнуть, что названный известный исследователь воедино связывал начало Гражданской войны в России с Февралем 1917 г. и датировал ее завершение 1922 г.

В современной российской историографии существует огромное количество работ, отражающих

отдельные аспекты влияния религии на политические процессы в годы Гражданской войны [см., напр.: 3–8]. Вместе с тем до сих пор не появилось концептуальных трудов по проблеме на актуальном теоретико-методологическом уровне всесторонне описывающих влияние религиозного фактора на ход и исход Гражданской войны как в России в целом, так и в ее отдельных регионах.

Целью данной статьи является осмысление основных проявлений феномена религиозного фактора в Гражданской войне в России (на примере Омской и Павлодарской епархии). Она включала значительные территории Степного края (часть земель современной Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана). В годы Гражданской войны епархиальный административный центр — город Омск, являлся столицей белой России, и здесь размещался орган церковного управления востока России — Временное высшее церковное управление Сибири (ВВЦУ Сибири).

Основной тезис данной статьи — в Русской революции и Гражданской войне в России для большинства населения религия не сыграла консолидирующей, умиротворяющей роли, а напротив, стала фактором дезинтеграции общества и эскалации гражданского противостояния.

Представим теоретическую основу такого суждения. Интегрирующе-дезинтегрирующая функция религии является одной из основных. С одной стороны, религия объединяет верующих (в пределах общего вероисповедания). С другой стороны, она разъединяет людей различных конфессий. Применительно к дореволюционной России доминировала интегрирующая функция, так как для основной массы населения православие являлось основной идентичностью. Особенно ярко эта функция проявила себя в годы Русской смуты XVII в. Современные историки обоснованно полагают, что «Патриарх Московский и всея Руси был поставлен во главу патриотического движения в эпоху Смутного времени» [9, с. 33]. В то время Церковь осталась единственным общенациональным институтом, так как она не была частью государственного аппарата и, соответственно, не рухнула вместе с центральной властью, сохранив свой нравственный авторитет в обществе. Это и позволило Церкви сыграть ключевую роль в преодолении общенационального кризиса.

Иная ситуация сложилась в конце XIX — начале XX веков, когда в результате вестернизации элиты и модернизации общества постепенно ослабевала религиозность населения. Это коснулось и православных. Современные исследователи отмечают, что «многие русские святые XIX и начала XX веков предчувствовали и предвидели приближение страшных испытаний, через горнило которых предстояло пройти нашему Отечеству. Подвижники благочестия единогласно признавали главную причину грядущих бедствий в отступлении русских людей от Бога и Церкви, упадке подлинной духовной жизни и нравственной деградации. Надвигающаяся трагедия предощущалась в неприглядной картине морального разложения, которым были поражены многие члены высших слоев общества, причем как светских, так и церковных» [10, с. 18].

Первая мировая война и Русская революция усилили безверие в обществе, подорвав доверие значительной части населения к монархии и Русской Православной Церкви. К тому времени Церковь уже весьма длительный срок была частью го-

сударственного аппарата и воспринималась людьми в качестве «опоры самодержавия». Поэтому распад государства неизбежно обернулся кризисом церковных структур, лишившихся покровительства власти и искавших свое место во враждебном для них революционном социуме.

С падением имперской государственности, долгое время достаточно успешно обеспечивавшей межконфессиональный мир, дезинтегрирующая функция религии стала преобладать в обществе над интегрирующей. Религия, в эпоху Русской смуты 1917 г., стала одним из источников социального противостояния и политической борьбы. Она породила и провоцировала социальные и политические конфликты, влиявшие на эскалацию Гражданской войны в нескольких аспектах. Рассмотрим для Омской и Павлодарской епархии три основных:

- идеологический конфликт сил революции с религиозными конфессиями, который закономерно привел Церковь в антибольшевистский лагерь;
- конфликты между представителями духовенства, вызванные идейными разногласиями по религиозным и политическим вопросам, поддержка частью духовенства социалистической революции;
- падение авторитета Русской Православной Церкви как социального института культуры у значительной части православного населения и среди неправославных, открывавшее дорогу распространению вариативных идеологий национализма и социализма, которое вело к эскалации гражданской войны.

Революция VS Церкви: к осмыслению идеологического конфликта. Большинство сибиряков поддержало Февраль. Представители всех основных религиозных конфессий Омска на состоявшемся 10 марта 1917 г. Празднике торжества народных свобод приветствовали новую революционную власть в лице Временного правительства. Весьма показательным, что омский епископ Сильвестр (Ольшевский) возглавил крестный ход, на котором произнес проповедь об отречении императора и необходимости оказания поддержки Временному правительству. Владыка прочитал молитву «на разрешение союза клятвенного и осенил крестом народ на все четыре стороны», освободив присутствовавший народ в религиозном отношении от присяги императору [11]. Дополнительный колорит добавляло то, что, невзирая на начавшийся строгий пост, архиерей предстал перед народом в облачении красного революционного цвета. Для мирян такое неканоническое для строгого поста облачение символизировало поддержку революции со стороны Церкви. Это было отмечено в омской газете [12].

Несмотря на то, что религиозные организации приветствовали свержение монархии и начало Русской революции, надеясь на свободное развитие в условиях новой демократической России, служители религиозных конфессий рассматривались революционерами в качестве контрреволюционных представителей «старого мира». Временное правительство начало наступление на Церковь уже летом 1917 г., лишив ее контроля над школой. После Октября либеральную антиклирическую политику радикально углубили захватившие власть большевики, принявшие «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Декрет большевиков вызвал по стране волну крестных ходов, некоторые из которых сопровождались кровавыми эксцессами. На востоке России

самыми известными на всю страну стали события «поповского мятежа» в Омске, случившиеся с 15 по 22 февраля 1918 г. [см. подр.: 13]. Наивысшим подъемом конфликта тогда стали антибольшевистские волнения, начавшиеся в ночь с 18 на 19 февраля в ответ на арест архиерея и продолжавшиеся весь день. В ходе этих беспорядков обе стороны применяли огнестрельное оружие и были ранены, большевики убили архиерейского эконома Николая Цикуру. Власти объявили в городе осадное положение. Эти события сделали епископа Сильвестра ярким врагом большевиков.

Антибольшевистский настрой руководителя епархии и его ближайшего окружения доказывает вето, наложенное владыкой Сильвестром на отпевание начальника омской милиции П. С. Успенского, смертельно раненного в бою с чехами. Близкие хотели организовать его погребение в соответствии с православной традицией, но натолкнулись на противодействие архиерея, запретившего духовенству отпевать человека, возглавлявшего действия городской милиции по ликвидации «поповского мятежа». Протокол Омского епархиального собрания № 3 от 12 (25) июня 1918 г. свидетельствует, что за отказ отпевать Успенского властями был арестован и готовился к расстрелу протоиерей А. Покровский, которого спасло вмешательство казаков. При этом Покровский, почитавший своего архиерея, на допросе не стал ссылаться на его указание, мотивировав свой отказ позицией Собора. К тому времени уже архиепископ Сильвестр на собрании подчеркнул, что «ради безопасности своего архипастыря почтенный пастырь собою жертвовал», и закончил свое выступление словами «Многая лета пострадавшим от большевиков нашим пастырям» [14, с. 5].

Поведение архиерея и омского духовенства соответствовало общей ситуации в стране. В России разгоралась Гражданская война и по мере поляризации сил на большевистский и антибольшевистский лагеря на территориях, подконтрольных Белому движению, Церковь оказывалась в его стане. Встав на сторону антибольшевистских сил, Омское епархиальное собрание поддержало Временное Сибирское правительство, приняв специальное обращение и отправив на встречу с его представителями свою официальную делегацию. В воззвании подчеркивалось преследование большевиками «святой православной веры» и утверждалось, что «освобождение от власти, так отбившейся к вере христианской, было встречено с великой радостью, и нередко были благодарственные молебны Господу Богу по поводу освобождения от этой власти» [14, с. 21]. Это был политический шаг. На заседании Собрания, состоявшегося 21 июня (4 июля) 1918 г., глава делегации протоиерей А. Покровский довел до присутствовавших, что делегация была принята министром внутренних дел В. М. Крутовским, выслушавшим приветствие Собрания стоя [14, с. 28–29].

В ноябре 1918 г. архиепископ Сильвестр, как столичный владыка, возглавил ВВЦУ Сибири и стал духовным лидером противников большевиков на востоке России. Исследователь Д. В. Олихов так охарактеризовал деятельность этого органа сибирской контрреволюции: «Антибольшевистская деятельность ВВЦУ Сибири имела для его членов самое приоритетное значение. Они отдавали себе отчет в неизбежности гонений на церковь в случае поражения колчаковской армии. <...> ВВЦУ Сибири определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну "священной".

Собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 года, предал анафеме руководителей большевистской партии и постановил в каждом богослужении поминать А. В. Колчака как «Верховного правителя» [15, с. 82]. Апофеозом участия Церкви в антибольшевистском движении в Сибири стала организация «крестового похода» против красных, выразившаяся в организации Дружин Святого Креста. В этой работе омский архиерей принял деятельное участие.

Отметим, что такая активная антибольшевистская борьба на стороне колчаковцев на тот момент не совпадала с позицией патриарха Тихона, находившегося в Советской России и публично не вставшего на сторону белых, осуждавшего насилие, творимое всеми участниками Гражданской войны. Активная антибольшевистская борьба значительного числа представителей сибирского духовенства во главе с архиепископом Сильвестром была впоследствии использована большевиками в качестве повода для применения по отношению к духовенству политических репрессий.

Идейные разногласия духовенства по религиозным и политическим вопросам. После Февраля 1917 г. церковные иерархи и духовенство в Сибири, как и по всей стране, не были едины во взглядах как по поводу должного устройства Церкви, так и по вопросам текущей политической жизни в стране. В первые же недели Русской революции в Омской и Павлодарской епархии сформировалась группа духовенства, выступившая за обновление церковного устройства и активно поддерживавшая революционные идеи социалистического переустройства российского общества. Эту группу возглавил епархиальный миссионер священник П. Папшев. Они встали на платформу «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян», возглавляемого членом Государственной думы священником Д. Я. Поповым. Секретарем союза был будущий лидер обновленчества священник А. Введенский. Союз выступил под лозунгом «Христианство на страже труда, а не на страже насилия и эксплуатации», высказался за демократическую республику, равенство сословий, полов, свободу слова, совести, печати. Выдвинув лозунги борьбы с капитализмом за демократическую экономику и передачу земли крестьянам, члены Союза надеялись обрести опору среди прихожан. Они пытались также склонить на свою сторону низовое духовенство, провозгласив отделение церкви от государства, восстановление в ней соборных начал, переход на григорианский календарь, перевод богослужения на современный язык, допущение брачности епископата [16].

С 30 апреля 1917 г. под редакцией П. Папшева в Омске стала издаваться газета «Новая жизнь». Издание самоопределилось в качестве «органа церковно-общественного обновления» и в программной редакционной статье продекларировало, что будет служить «восстановлению христианской идеи» [17]. Анализ содержания публикаций издания свидетельствует, что они противоречили православному учению, проповедующему любовь к ближнему. Уже в передовице второго номера газетой начала проповедоваться классовая ненависть. В статье «С кем мы пойдем?» П. Папшев заявлял: «Мы плоть от плоти нашего народа, такая же "черная, мужицкая" кость, как и он. Нет, не было и не будет у нас общих интересов с буржуазией» [18]. В другой своей статье «Дворянство и буржуазия» П. Папшев

продолжил сеять классовую рознь, полемизируя со столичной кадетской газетой «Речь», выступившей с критикой «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян», который, по мнению кадетов, продемонстрировал сближение «недавних служителей Министерства внутренних дел с социалистами крайних рядов». В ответ П. Папшев писал: «То верно, что постановление съездов и программа союзов сближают нас с социалистами крайних рядов. Не верно только то, что в рядах союза участвуют, выражаясь прямо, — бывшие полицейские в рясах. Будьте спокойны: их теперь в наших рядах нет. <...> Говорят же те, кто был придавлен, придушен, заперт. Неверно также сказано и о линии нашего сближения. Нужно сказать не сближения, — полного совпадения» [19]. «Новая жизнь» последовательно выступала за ограниченные полномочий епископата и расширение прав духовенства. Ярким штрихом, характеризующим политический облик издания, являлась рубрика «Украинская жизнь», где печатались материалы о деятельности украинских националистов в Сибири, которую редакция своими публикациями подерживала.

Таким образом, деятельность омских сторонников церковного обновления, уже весной 1917 г. поставивших под сомнение ортодоксальные основы церковного устройства и безответственно пропагандировавших классовую борьбу, провоцировала эскалацию Гражданской войны в России. Существование среди омского духовенства сторонников «Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян» свидетельствовало о наличии предпосылок для развития обновленческого движения в Советской Сибири в 1920-е гг.

В годы Гражданской войны в России духовенство Омской и Павлодарской епархии, являвшееся частью народа, втянувшегося в братоубийственное противостояние, разошлось в политических взглядах. Для большинства омского городского духовенства авторитет правящего архиерея епископа (позднее архиепископа) Сильвестра был незыблем. Поэтому оно вслед за ним выступило на стороне Белого движения, духовно окормляя и всячески поддерживая его. Но, чем дальше приход находился от Омска, тем более разнообразна была палитра политических воззрений служителей Церкви. В Сибири известны как многочисленные примеры участия духовенства в Гражданской войне (и на стороне белых, и на стороне красных), так и аполитичность многих священников [20].

Ситуация в Омской и Павлодарской епархии по отношению к общесибирской зеркально отражалась. Подтверждением тому служит документальное наследие. В Историческом архиве Омской области в фонде Омской духовной консистории сохранились дела в отношении служителей Церкви, обвиняемых в большевизме. В УФСБ России по Омской области хранятся архивные уголовные дела священников, активно боровшихся с большевиками на стороне белых.

Среди духовных лиц епархии были и отказы-вавшиеся поддерживать какую-либо из противоборствовавших сторон или публично высказывавшие довольно необычные политические взгляды. В августе 1919 г. светские и духовные власти белой Сибири проводили расследование в отношении священника из Зайсана Геннадия Коченгина. Его обвиняли в агитации против правительства и войны за освобождение России во время служения

молебна в пьяном виде. 6 августа 1919 г. отец Геннадий был приглашен отслужить молебен и сказать напутственное слово мобилизованным в белую армию казакам. Эта миссия не соответствовала политическим взглядам батюшки, который, «употребив для храбрости», так, что «не в состоянии был держать креста и Евангелия», произнес следующую речь: «Братцы! Я как священник не могу вас напутствовать, чтобы пошли проливать кровь своих братьев. Нам не нужна Россия. Будем жить в Сибири. Там борются из-за помещичьих земель, из-за буржуев. В Сибири их нет. Берегите, братья, свою кровь. Помните, что она нам дорога» [21, л. 9].

Таким образом, в годы Русской революции и Гражданской войны в России православное духовенство Омской и Павлодарской епархии не смогло сохранить единства и разошлось во взглядах по религиозным и политическим вопросам, расколовшись, как и его паства. Это свидетельствовало о том, что православие в условиях Гражданской войны в России не стало, как в былые времена, общенациональной интегрирующей силой. В условиях расстройств вертикали церковной власти каждый священник делал свой выбор по отношению к Церкви и к противоборствующим сторонам конфликта.

Революционный удар по авторитету Церкви.

Падение авторитета Церкви, подкрепленное в Российской империи полицейской охраной со стороны государства, побуждало крестьян перераспределить в свою пользу землю, принадлежавшую до революции религиозным объединениям, и в отдельных случаях, разорять ближайшие монастыри. В азиатской России ситуация с обеспеченностью земель не была столь острой, как в европейской части страны, где православное крестьянство стало массово отчуждать церковные земли и грабить монастыри. Однако отдельные инциденты, связанные с грабежом монастырей населением, все же случались и в Сибири. В частности, Акмолинским областным комиссаром и епископом Сильвестром в июне 1917 г. контролировалось расследование погрома Карабинского (Кара-Одынского) монастыря [22]. В общем, применительно к сибирскому крестьянину, так же как и крестьянину из европейской части России, будет во многом справедлива исполненная горечью характеристика из мемуаров мелкого чиновника белой Сибири Н. Н. Волкова: «Но как только началась революция и с них снята была полицейско-поповская опека, они сразу сорвали с себя маску благочестия и ханжества, и предстали перед всеми во всей своей неприглядной наготе. Они оказались атеистами, нет, хуже них, т.к. у последних бывают нравственные устои, а у этих дикарей не было сдерживающих центров, и они принялись красть, грабить, убивать, жечь всех и все, что попадалось им под руку, лишь бы отомстить и, главное, нажиться. Не пощадили они и своих бывших святых церквей и монастырей, грабили и глумились над ними. Вот в этой-то области русский мужик и показал изнанку своей подленькой душонки» [23, с. 69].

Несомненно, падение авторитета Церкви и ослабление полицейского надзора со стороны государства среди значительной части православного населения привели к ослаблению интегрирующей функции религии, способствовали снятию моральных ограничений, открывали дорогу влиянию на крестьян различных вариантов социалистической идеологии и вели к анархии, провоцируя Гражданскую войну.

В Российской империи Русская Православная Церковь консолидировала не только самый многочисленный державный русский народ, но и приобщала к православию представителей других народов, традиционно проживавших или оказавшихся на территории Российской империи. Революция и Гражданская война в России изменили это.

Русская революция положила конец прозелитизму представителей Омской и Павлодарской епархии в Степном крае. Здесь существовала Киргизская миссия, основной целью которой, по справедливой оценке Ю. А. Лысенко, становилась борьба с распространением ислама в степи и миссионерская работа среди казахского населения [24, с. 151]. В это время понятие «казахский народ» не употреблялось, будущие «казахи» именовались «киргизами». Именно так их и следует именовать ниже по тексту.

До Русской революции 1917 г. результаты работы миссии были весьма скромными: речь шла лишь о десятках обращений киргизов в православие в год в течение ряда лет. Мусульманских миссионеров из татар и киргизов было гораздо больше, и еще задолго до революционных событий ислам стал доминировать в степи [см. подр.: 25]. Гражданская война прервала деятельность Киргизской миссии. Как писал исследователь истории Омской епархии отец С. В. Голубцов, «точная дата закрытия миссии не установлена, но известно, что она существовала и в 1918 г. <...> Дальнейшая судьба миссии и миссионеров напрямую зависела от событий, происходивших в России» [26, с. 316].

В условиях революции и Гражданской войны в России миссионерская деятельность Русской православной Церкви в степи не могла успешно развиваться. Киргизская политическая элита предложила своему народу два пути суверенизации, связанных с исламом. Партия Алаш выступала за национально-территориальное самоопределение киргизов на узко этнической основе, обозначив в своей программе, что у них должен быть «отдельный муфтий» [27, с. 151], желая тем самым обособить свой народ от влияния татарской интеллигенции. Партия Уш Жуз поддерживала проект социалистов-революционеров татар о создании федерации мусульманских народов Поволжья, Урала, Казахстана, Средней Азии и Кавказа в рамках России, выступая за интеграцию российских тюрков на основе ислама. Причем ислам, по мнению идеологов Уш Жуз, консолидировал тюрков в противовес русским. Как писала тогда русскоязычная газета «Свободное слово», согласно программе, «Партия Уш Жуз требует выделения киргизов в отдельную федеративную единицу, потому что «козлобородый мужик, не знавший в жизни ничего хорошего, вообще не должен главенствовать над нами» (пункт 2 программы). Она требует объединения всех тюрко-татарских племен и, как видно из 4 пункта программы, не желает уступить ни пяди земли русским крестьянам» [см. подр: 28, с. 160].

В общем, на фоне распада государства, падения религиозности и острой классовой борьбы у русских, вытеснение православия из Киргизской степи облегчало распространение там различных вариантов национализма в сочетании с исламом. Это провоцировало эскалацию Гражданской войны, обостряя межэтнические конфликты на земельной почве между русскими и киргизами, а также борьбу внутри киргизской интеллигенции по поводу выбора пути развития для своего народа.

Для Российской империи, претендовавшей на то, чтобы стать вселенским центром славянского мира, православие играло и значительную внешнеполитическую роль, способствуя интеграции славянских народов. В Омском регионе, например, в 1915–1917 гг. имели место массовые переходы в православие пленных славян, главным образом, русинов и чехов [см. подр: 29–30]. Революция резко прервала этот процесс. Распадавшаяся русская православная государственность потеряла привлекательность для пленных славян. Прекращение обращений славян в православие с падением монархии Романовых подтвердило, что эти групповые переходы чехов и русинов в Омске главным образом имели политические, национальные и бытовые, но не религиозные причины. Гражданская война в России продемонстрировала, что русины и чехи в значительном большинстве оказались безразличны к единению славян и защите православия от большевиков, что провозгласила своими задачами колчаковская власть.

Большинство русинов, в 1919 г. находившихся в Омске, не желало воевать под белыми знаменами за православную Россию и, чтобы избежать мобилизации в белую армию, стало называть себя украинцами. Явление оказалось в поле зрения колчаковской контрразведки, наблюдавшей за национальными движениями в Сибири. В мае 1919 г. белые спецслужбы докладывали о русофильской деятельности «Центрального Карпаторосского Совета» в Омске, который, по их сведениям, намеревался «произвести мобилизацию всех галичан, бывших подданных Австро-Венгрии». Однако в докладе говорилось, что деятели совета «популярности никакой не имеют. Пленные в лагерях, которые до сего времени были аполитическими, в настоящее время, опасаясь быть мобилизованными, все поголовно объявили себя украинцами» [31, л. 6].

Как и русины, чехи не хотели воевать на стороне белых, защищая православную веру от большевиков. Как докладывали белые контрразведчики, «относительно фронта, чехословаки всеми силами стараются, чтобы на фронт не идти» [31, л. 56]. Видный деятель белой Сибири Г. К. Гинс оценил роль чехов в Гражданской войне следующим образом: «"Реакционный", с точки зрения чехов, переворот 18 ноября [1918 г.], когда Директорию сменил адмирал Колчак, происходил уже после решения об очищении чехами фронта, <...> произведенный не в силу демократичности или реакционности Омска, а вследствие нежелания чехов воевать и деморализации их первой дивизии. Геройства хватило ненадолго. К этому времени относилось самоубийство полковника Швеца, не перенесшего позора разложения чешских частей. Сознание общеславянских задач, приверженность к культуре, которую сокрушал большевизм, — могло ли быть это понято рядовым чешским солдатом? Шкурный вопрос после Великой войны долго будет решающим фактором политической жизни» [32, с. 578].

Таким образом, падение имперской государственности привело и к ослаблению влияния и авторитета Русской Православной Церкви на омской земле как среди русского православного, так и среди неправославных нерусских народов. Ослабление влияния православия открывало путь для усиления других учений (различных вариантов идеологий национализма и социализма), конфликтовавших друг с другом и предлагавших разные пути развития России и отдельных народов. Эта идейная борьба

в условиях острых социальных противоречий раздувала угли Гражданской войны.

Заключение. На примере Омской и Павлодарской епархии наглядно видно, как в Русской революции 1917 г. религиозный фактор сыграл дезинтегрирующую роль. У значительной части населения Церковь потеряла авторитет и не сумела сплотить православных верующих, воевавших друг с другом, в составе всех противоборствовавших сил. Идеологический конфликт с силами революции закономерно привел институт Русской Православной Церкви в Сибири в антибольшевистский лагерь, где ВВЦУ Сибири во главе с архиепископом Сильвестром деятельно осуществляло идеологическое обеспечение деятельности белогвардейцев. При этом отдельные представители духовенства не были едины во взглядах по политическим и церковным вопросам, и соответственно, так же как их паства, поддерживали разные противоборствовавшие силы. Несмотря на то, что Церковь, как социальный институт, заняла сторону антибольшевистского движения, каждый священнослужитель в условиях революции и Гражданской войны делал свой выбор стороны конфликта или аполитично уклонялся от такового. Духовенство Омской и Павлодарской епархии не выступило в Гражданской войне одним фронтом. В этом отношении показательно, как часть епархиальных священников с первых дней Русской революции поддержала радикальных социалистов и пропагандировала церковное обновление в протестантском духе.

Удар революции по авторитету Русской Православной Церкви повлиял не только на участие в событиях Гражданской войны православных, но и представителей других, неправославных народов. На фоне ослабления влияния православия сознание людей заполняли конкурировавшие между собой различные интерпретации идей социалистической идеологии, национализма, а также других религиозных учений. В условиях течения острых социальных конфликтов идейное разобщение и борьба способствовали эскалации Гражданской войны.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ, 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Библиографический список

1. Рагузин В. Н. Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. Москва: РАГС, 1998. 100 с.
2. Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.
3. Рогозный П. Г. Православная церковь и Русская революция: очерки истории 1917–1920. Москва: Весь Мир, 2018. 303 с.
4. Фирсов С. А. Время войне и время миру: Православная Российская церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 166 с.
5. Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах: моногр. Санкт-Петербург, 2020. 407 с. ISBN 978-5-93615-232-0.
6. Бирюкова Ю. А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 64–70. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-64-70.
7. Бирюкова Ю. А. Участие духовенства в политических партиях и надпартийных организациях на белом Юге в период Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 880–899. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.403.
8. Олихов Д. В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. Санкт-Петербург: Сатис, 2017. 220 с. ISBN 978-5-7868-0120-1.
9. Петрович И. К., Блашков Ю. А. Русская Православная Церковь в Смутное время: жизнь и деятельность Патриарха Гермогена // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 30–34.
10. Мефодий (Зинковский), Кирилл (Зинковский). Русская катастрофа 1917 г. очами святых XX века: причины и уроки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 17–44. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10201.
11. Торжество гражданских свобод в Омске // Омские епархиальные ведомости. 1917. № 12. 19 марта. С. 16–22.
12. Тавлуев С. Манифестанты // Новая жизнь. 1917. № 2. 7 мая. С. 3.
13. Суховецкий В. А. Летопись церковных событий города Омска с 21 января по 22 февраля 1918 г. // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 171–176.
14. Протоколы заседаний Омского епархиального собрания. Омск, 1918. 57 с.
15. Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного Высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 72–86.
16. Леонтьева Т. Г. Драматическое пространство революционной реальности — сферы культуры и духовной жизни. URL <https://historyrussia.org/polemika/tribuna/dramaticheskoe-prostranstvo-revoljutsionnoj-realnosti-sfery-kulturnoj-i-dukhovnoj-zhizni.html> (дата обращения: 09.02.2022).
17. Омск, 30 апреля // Новая жизнь. 1917. № 1. 30 апреля. С. 1.
18. Папшев П. С кем мы пойдем? // Новая жизнь. 1917. № 2. 7 мая. С. 1.
19. Папшев П. Духовенство и буржуазия // Новая жизнь. 1917. № 4. 21 мая. С. 1–2.
20. Олихов Д. В. Проповедническо-осведомительная деятельность сибирского православного духовенства в период Гражданской войны // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 141–144.
21. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 334.
22. ИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 199.
23. Петин Д. И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н. Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.
24. Лысенко Ю. А. Структура, цели и задачи деятельности Киргизских православных миссий Оренбургской и Омской епархий (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4(64). С. 150–156.
25. Лысенко Ю. А. Степень исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. в оценке миссионеров Киргизской духовной миссии // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–3 (60). С. 149–155.
26. Голубцов С. В. Киргизская (казахская) миссия Русской Православной Церкви // Вестник Омского университета. 2011. № 2 (60). С. 313–316.

27. Алаш-Орда. Сборник документов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: Малое издательство «Айкап», 1992. 192 с.

28. Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 376 с.

29. Сушко А. В., Петин Д. И. Борьба за «Подъяремную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/65/6.

30. Сушко А. В., Петин Д. И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98. DOI: 10.15382/sturP2021103.78-98.

31. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 6. Д. 6.

32. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Москва: Айрис-пресс, 2008. 672 с.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), ведущий

научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.

SPIN-код: 6496-4278

AuthorID (РИНЦ): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Для цитирования

Сушко А. В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 34–42. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42

Статья поступила в редакцию 16.02.2022 г.

© А. В. Сушко

THE ROLE OF RELIGION DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF PROCESSES IN THE OMSK AND PAVLODAR DIOCESE)

Based on the example of the Omsk and Pavlodar Diocese, the article analyzes the influence of religion on the events of the Russian Revolution and the Civil War in Russia is analyzed. The religious factor is understood as the processes of the influence of religion on the beginning, course and outcome of the Civil War, on the activities of the opposing forces, political institutions and public opinion. The main thesis of this article is that in the Russian Revolution and the Civil War in Russia, for the majority of the population, religion did not play a consolidating pacifying role, but, on the contrary, became a factor in the disintegration of society and the escalation of civil confrontation. To confirm the main thesis, the author considers three aspects of the influence of the religion on the escalation of the Civil War in Russia. The first is the ideological conflict between the forces of the revolution and religious confessions, which naturally led the Church to the anti-Bolshevik camp. The second is conflicts between representatives of the clergy, caused by ideologically different views religious and political topics and support of socialist revolution by part of the clergy. The third is the decline in the authority of the Russian Orthodox Church as a social cultural institution among a significant part of the Orthodox population and among the non-Orthodox, which opened the way for the spread of varied ideologies of nationalism and socialism.

Keywords: religious factor, Russian Orthodox Church, Russian Revolution, Russian Civil War, Siberia, Omsk, religious anthropology, Bishop Sylvester (Olshevsky).

Acknowledgments

The article is prepared with the support of the RSF project, 21-18-00266 «The Religious Factor in Russia during the Civil War: Phenomenon, Significance and Regional Specificity», implemented at St. Petersburg State University.

References

1. Raguzin V. N. Rol' religioznogo faktora v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh [The role of the religious factor in international relations]. Moscow, 1998. 100 p. (In Russ.).
2. Polyakov Yu. A. Grazhdanskaya voyna v Rossii: vozniknoveniye i eskalatsiya // [Civil war in Russia: the emergence and escalation] // Otechestvennaya istoriya. *National History*. 1992. No. 6. P. 32–41. (In Russ.).
3. Rogoznyy P. G. Pravoslavnaya tserkov' i russkaya revolyutsiya: ocherki istorii 1917–1920 [The Orthodox Church and the Russian Revolution: Essays on the History of 1917–1920]. Moscow, 2018. 303 p. (In Russ.).
4. Firsov S. L. Vremya vojny i vremya miru: Pravoslavnaya Rossiyskaya tserkov' i Grazhdanskaya voyna v Rossii: ocherki istorii i istoriografii [Time for war and time for peace: Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia: essays on history and historiography]. St. Peterburg, 2018. 166 p. (In Russ.).
5. Puchenkov A. S., Kalinovskiy V. V. Dukhovnyy forpost Rossii: pravoslavnoye dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh [Spiritual outpost of Russia: the Orthodox clergy of the Crimea in 1914–1920]. St. Peterburg, 2020. 407 p. ISBN 978-5-93615-232-0. (In Russ.).
6. Biryukova Yu. A. Problema formirovaniya novoy modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy posle Fevral'skoy revolyutsii v resheniyakh Donskogo chrezvychaynogo s"yezda dukhovenstva i miryan 1917 g. [The problem of formation of a new model of church-state relations after the February Revolution in the decisions of the Don Extraordinary Congress of Clergy and Laity in 1917] // Nauchnaya mysl' Kavkaza. *Scientific Thought of Caucasus*. 2019. No. 1 (97). P. 64–70. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-97-1-64-70. (In Russ.).
7. Biryukova Yu. A. Uchastiye dukhovenstva v politicheskikh partiynykh i nadpartiynykh organizatsiyakh na belom Yuge v period Grazhdanskoy vojny [The Participation of the Clergy in Political Parties and Public Political Movements in the White South During the Civil War] // Noveyshaya istoriya Rossii. *Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9, no. 4. P. 880–899. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.403. (In Russ.).
8. Olikhov D. V. Vremennoye vyssheye tserkovnoye upravleniye Sibiri (1918–1920 gg.). Opyt tserkovnogo stroitel'stva v epokhu grazhdanskogo likholet'ya [Temporary Higher Church Administration of Siberia (1918–1920). Experience of church construction in the era of civil hard times]. St. Peterburg, 2017. 220 p. ISBN 978-5-7868-0120-1. (In Russ.).
9. Petrovich I. K., Blashkov Yu. A. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Smutnoye vremya: zhizn' i deyatel'nost' Patriarkha Germogena [Russian Orthodox Church in the «Time of Troubles»: Patriarch Hermogenes's life and DEEDS] // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnyye nauki. *Bulletin of the Pskov State University*.

Series Social and Humanitarian Sciences. 2017. No. 5. P. 30–34. (In Russ.).

10. Mefodiy (Zinkovskiy), Kirill (Zinkovskiy). Russkaya katastrofa 1917 g. ochami svyatykh XX veka: prichiny i uroki [Russian catastrophe of 1917 through the eyes of saints of the 20th century: reasons and conclusions] // *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii. Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2018. No. 2 (22). P. 17–44. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10201. (In Russ.).

11. Torzhestvo grazhdanskikh svobod v Omske [The triumph of civil liberties in Omsk] // *Omskiye eparkhial'nyye vedomosti. Omskiye Eparkhial'nyye Vedomosti*. 1917. No. 12. March 19. P. 16–22. (In Russ.).

12. Tavlyuev S. Manifestanty [Demonstrators] // *Novaya zhizn'*. 1917. No. 2. May 7. P. 3. (In Russ.).

13. Sukhovetskii V. A. Letopis' tserkovnykh sobytiy goroda Omska s 21 yanvarya po 22 fevralya 1918 g. [Chronicle of church events in the city of Omsk from January 21 to February 22, 1918] // *Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya. Church. Theology. History*. Ekaterinburg, 2018. P. 171–176. (In Russ.).

14. Protokoly zasedaniy Omskogo eparkhial'nogo sobraniya [Minutes of the meetings of the Omsk Diocesan Assembly]. Omsk, 1918. 57 p. (In Russ.).

15. Olikhov D. V. Sozdaniye i deyatelnost' Vremennogo Vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri (1918–1920 gg.) [The Creation and activities of temporary higher Church authorities of Siberia (1918–1920)] // *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii. Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. 2016. No. 1. P. 72–86. (In Russ.).

16. Leont'yeva T. G. Dramaticheskoye prostranstvo revolyutsionnoy real'nosti — sfery kul'tury i dukhovnoy zhizni [Dramatic Space of Revolutionary Reality — Spheres of Culture and Spiritual Life]. URL: <https://historyrussia.org/polemika/tribuna/dramaticheskoye-prostranstvo-revolutsionnoy-real'nosti-sfery-kulturnoj-i-dukhovnoy-zhizni.html> (accessed: 09.02.2022). (In Russ.).

17. Omsk, 30 aprelya [Omsk, April 30] // *Novaya zhizn'*. 1917. No. 1. April 30. P. 1. (In Russ.).

18. Papshev P. S kem my poydem? [Who will we go with?] // *Novaya zhizn'*. 1917. No. 2. May 7. P. 3. (In Russ.).

19. Papshev P. Dukhovenstvo i burzhuaziya [The clergy and the bourgeoisie] // *Novaya zhizn'*. 1917. No. 4. May 21. P. 1–2. (In Russ.).

20. Olikhov D. V. Propovednichesko-osvedomitelnaya deyatelnost' sibirskogo pravoslavnogo dukhovenstva v period Grazhdanskoj vojny [Preaching and information activities of the Siberian Orthodox clergy during the Civil War] // *Deyatelnost' otechestvennykh spetssluzhb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov. Activities of Domestic Special Services in the Era of Social Cataclysms*. Omsk, 2017. P. 141–144. (In Russ.).

21. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region (HAOR)]. File: 16/1/ 334. (In Russ.).

22. IAOO [HAOR]. File: P-16/1/199. (In Russ.).

23. Petin D. I. Evakuatsiya iz Omska (1919 g.); memuarnyye zapiski sluzhashchego Krasnogo Kresta N. N. Volkova [Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of the Red Cross N. N. Volkov] // *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii. Northern Archives and Expeditions*. 2019. Vol. 3, no. 4. P. 63–84. (In Russ.).

24. Lysenko Yu. A. Struktura, tseli i zadachi deyatelnosti Kirgizskikh pravoslavnykh missiy Orenburgskoy i Omskoy eparkhiy (sravnitel'nyy analiz) [Structure, aims and targets of the Kirghiz Orthodox missions from Orenburg and Omsk eparchies (comparative analysis)] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Izvestiya of Altai State University*. 2009. No. 4–4 (64). P. 150–156. (In Russ.).

25. Lysenko Yu. A. Stepen' islamizatsii kazakhskogo obshchestva na rubezhe XIX–XX vv. v otsenke missionerov Kirgizskoy dukhovnoy missii [The degree of Islamization of the Kazakh society at the turn of the 19th–20th centuries. in the assessment of missionaries of the Kyrgyz spiritual mission] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Izvestiya of Altai State University*. 2008. No. 4-3 (60). P. 149–155. (In Russ.).

26. Golubtsov S. V. Kirgizskaya (kazakhskaya) missiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Kyrgyz (Kazakh) mission of the Russian Orthodox Church] // *Vestnik Omskogo universiteta. Herald of Omsk University*. 2011. No. 2 (60). P. 313–316. (In Russ.).

27. Alash-Orda. Sbornik dokumentov [Alash-Orda. Collection of documents] / Comp. N. Martynenko. Alma-Ata, 1992. 192 p. (In Russ.).

28. Sushko A. V. Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny [Processes of sovereignization of the peoples of Siberia during the Civil War]. 2nd ed. Moscow, 2014. 376 p. (In Russ.).

29. Sushko A. V., Petin D. I. Bor'ba za «Pod"yarannuyu Rus'»: perekhod v pravoslaviye voyennoplennykh rusinov v Omske (1915–1917) [The struggle for «The enslaved Rus»: conversion of Rusin prisoners of war to orthodoxy in Omsk (1915–1917)] // *Rusin. Rusin*. 2021. No. 65. P. 99–114. DOI: 10.17223/18572685/65/6.

30. Sushko A. V., Petin D. I. Protsess obrashcheniya v pravoslaviye voyennoplennykh slavyan v Omske (1915–1917 gg.) [Conversion into orthodoxy of slavonic prisoners of war in Omsk (1915–1917)] // *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. St. Tikhon's University Review Series II: History. History of Russian Orthodox Church*. 2021. Issue. 103. P. 78–98. DOI: 10.15382/sturII2021103.78-98.

31. Arkhiv Upravleniya FSB Rossii po Omskoy oblasti [Archive of Office of the Federal Security Service of Russia]. File: P-87/6/6. (In Russ.).

32. Gins G. K. Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 [Siberia, allies and Kolchak. Turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow, 2008. 672 p. (In Russ.).

SUSHKO Aleksey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of History Institute, St. Petersburg State University, St. Petersburg; Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Military-Apolitical Work in the Troops (Forces) Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.

SPIN-code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

For citations

Sushko A. V. The role of Religion during the Civil War in Russia (on the example of processes in the Omsk and Pavlodar Diocese) // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 34–42. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42.

Received February 16, 2022.

© A. V. Sushko